

УДК: 821.161.1

ОБРАЗ БАБУРА В ПОВЕСТИ ХАЙРИДДИНА СУЛТОНА «БЕРЕГ СЧАСТЬЯ»

Эгамбердиева Гузал Мадияровна,

кандидат филологических наук, профессор

кафедры «Изучение языков» Университета общественной безопасности Республики Узбекистан

e-mail: guzal.egamberdieva.76@mail.ru

DOI: <https://doi.org/10.5281/zenodo.18721369>

Аннотация. В статье анализируется художественная интерпретация образа Бабура в повести Хайриiddина Султoна «Берег счастья». Исследование выполнено в контексте современных литературоведческих подходов к исторической прозе и философской проблематике художественного текста. Рассматриваются особенности образной системы произведения, принципы построения сюжета и композиции, способы психологической характеристики героя. Особое внимание уделяется соотношению исторической достоверности и авторской концепции личности, а также категории «бессмертного слова» как ключевому философскому мотиву повести.

Ключевые слова: историческая повесть, философская проблематика, художественный образ, Бабур, авторская концепция, духовная преемственность, система образов, поэтика.

Annotatsiya. Maqolada Xayriddin Sultonning “Saodat sohili” qissasida Bobur obrazining badiiy talqini tahlil qilinadi. Tadqiqot tarixiy nasr va badiiy matnning falsafiy muammolariga oid zamonaviy adabiyotshunoslik yondashuvlari kontekstida olib borilgan. Asardagi obrazlar tizimi xususiyatlari, syujet va kompozitsiya qurilishi tamoyillari, qahramonning psixologik tavsifi usullari ko‘rib chiqiladi. Shuningdek, tarixiy haqiqat va muallifning shaxs konsepsiyasi o‘rtasidagi nisbat hamda “abadiy so‘z” kategoriyasi qissaning asosiy falsafiy motivi sifatida alohida e‘tibor qaratiladi.

Kalit so‘zlar: tarixiy qissa, falsafiy muammo, badiiy obraz, Bobur, muallif konsepsiyasi, ma‘naviy vorislik, obrazlar tizimi, poetika.

Abstract. The article analyzes the artistic interpretation of Babur’s image in Khayriddin Sultan’s novella “The Shore of Happiness.” The research is conducted within the framework of contemporary literary approaches to historical prose and the philosophical issues of fictional texts. The study examines the features of the system of images in the work, the principles of plot and composition construction, and the methods of the psychological characterization of the protagonist. Particular attention is paid to the correlation between historical authenticity and the author’s concept of personality, as well as to the category of the “immortal word” as the key philosophical motif of the novella.

Keywords: historical novella, philosophical issues, literary image, Babur, authorial concept, spiritual continuity, system of images, poetics.

Введение. Современная историческая проза нередко выходит за пределы реконструкции событий прошлого, стремясь к философскому осмыслению личности в контексте истории. Повесть Хайриiddина Султoна «Берег счастья» представляет собой именно такой тип художественного произведения, где исторический материал служит основой для раскрытия нравственно-философских проблем.

Цель настоящего исследования — выявить особенности художественного воплощения образа Бабура в философско-историческом пространстве повести и определить его роль в системе образов произведения.

Тема предполагает комплексное изучение художественной интерпретации исторических личностей в современной литературе и рассмотрение жанрово-стилевых особенностей философско-исторической прозы.

Теоретические основания исследования. Проблематика повести соотносится с философско-нравственным типом художественных конфликтов. По классификации А. Е. Есина, философская проблематика сосредоточена на «вопросах смысла жизни, нравственного выбора и ответственности личности перед историей» [1]. В повести «Берег счастья» именно эти аспекты становятся центральными в раскрытии образа Бабура.

В. Е. Хализев подчёркивает, что художественный образ исторической личности в литературе всегда представляет собой синтез факта и авторской интерпретации [2]. В данном случае Бабур выступает не только как исторический правитель, но и как философ, поэт, человек, переживающий трагическое раздвоение между властью и внутренней свободой.

С точки зрения Б. В. Томашевского, образ героя раскрывается через систему мотивов, повторяющихся элементов и сюжетных функций [3]. В повести Хайридина Султана образ Бабура формируется посредством: внутреннего монолога, воспоминаний, философских диалогов, сопоставления с образом Хафиза Кёйкия.

Анализ и результаты. Образ Бабура в повести Хайридина Султанова раскрывается как сложная и многогранная художественная конструкция, в которой соединяются историческая достоверность, философская глубина и психологическая тонкость. Автор изображает Бабура не только как правителя и полководца, но прежде всего как человека, переживающего внутренний конфликт между властью и духовной свободой, между исторической миссией и тоской по родине.

С первых эпизодов, связанных с упоминанием Фаркета, в образе Бабура проявляется мотив памяти, который становится важнейшей доминантой его внутреннего мира. Когда при дворе звучит слово «Фаркат», Бабур *«Он погрузился в глубокие размышления. Слово «Фаркат» напомнило ему холодные, пронизывающие дождём ночи и сыроватые, печальные мгновения его жизни.»* [6, с.10]. Уже в этом эпизоде видна психологическая глубина образа: одно слово становится толчком к внутреннему движению сюжета, формируя завязку через переживание героя.

Особое значение имеет тема власти как духовного испытания. Бабур осознаёт свою зависимость от трона, что придаёт образу трагическое звучание. В повести звучит его признание: *«Меня возвышают словами “Сахибкирон”, “солнце семи климатов”, “шахانشах мира”... Но никто не знает, что я всё так же раб этого деревянного трона, раб этой яркой короны... Тем не менее, каждый человек — раб только Всевышнего.»* [6, с.16]. В этих словах раскрывается двойственность положения правителя: внешнее величие противопоставлено внутреннему

ощущению несвободы. Бабур предстает не как идеализированный монарх, а как человек, осознающий брэнность земной власти.

Не менее важен мотив родины, связанный с концепцией «берега счастья». В беседе с Хафизом Кёйкием Бабур рассказывает о своём сне: *«Он шёл по ледяной глади моря, и под каждым его шагом лёд тревожно трещал... а разлившаяся в Фаркете бурная река грохотала и ревела, как бескрайнее, неукротимое море.»* [6, с.16]. Сон символизирует внутреннюю тревогу и ощущение неустойчивости. Когда же астрологи говорят: *«То место, которое вы видели, — это берег счастья.»* [6, с.16], и на вопрос *«Где находится берег счастья?»* [6, с.17]. Хафиз отвечает: *«Берег счастья — на родине.»* [6, с.17], в глазах Бабура *«В его глазах появилась тень сожаления.»* [6, с.17]. Таким образом, «берег счастья» отождествляется с родиной, а тоска по ней становится кульминационным переживанием героя.

Образ Бабура раскрывается также через восприятие его другими персонажами. Уже при появлении Хафиза Кёйкия во дворце подчеркивается уважение к учености и духовности правителя. О нём говорится: *«О властелин мира, этот человек, ищущий встречи с вами, принадлежит к числу знаменитых учёных Мавераннахра... Его труд под названием «Рисола фи фани ат-тафсир ва-л усул ва фуру ва-л мантик ва-л калом» достоин высокой похвалы... особенно же в области истории он не имеет равных.»* [6, с.26]. В этом эпизоде Бабур предстает как человек, ценящий науку и духовное знание. С первой же встречи Бобур увидел в путника-учёном не просто гостя, приглашенного из его родных земель, а великого мыслителя. Он предпочитал диалог с мудрецом любым другим разговорам, и каждый вечер приглашал его к себе.

Хафиз передаёт Бабуру книгу Бинокуля «Насоим ул-мухаббат». Бабур, почитавший Навои своим наставником, поражён увиденным. Он расспрашивает, кто переписал книгу, узнаёт о гибели юноши, и воспринимает это как личную утрату.

Хафиз выполняет функцию посредника между читателем и исторической личностью. Через его восприятие раскрываются мудрость, человечность и интеллектуальная глубина Бабура. Диалоги между ними формируют философское пространство произведения, в котором обсуждаются вопросы веры, знания, истории и судьбы.

Важную роль в философском осмыслении образа играет фигура Бахштурка, повторяющего строки: *«Богатства много, народ неверен, путь далёк, Если Восток и кажется далёким — он всё же близок.»* [6, с.11]. Эти слова, звучащие как пророчество, усиливают ощущение исторической предопределенности судьбы героя. Они возвращаются в финале, уже после смерти Бабура, подчеркивая трагическую завершенность его пути.

Кульминацией внутреннего конфликта становится момент, когда Бабур, вернувшись из тяжёлого похода, даёт разрешение Хафизу вернуться на родину:

«Разрешаю», — сказал он с внутренним напряжением, а затем, словно оказавшись в тяжёлом положении, опустил голову на подушку.» [6, с.24]. В этом жесте ощущается усталость, предчувствие конца и внутреннее напряжение. После его смерти мир для Хафиза «Казалось, будто всё вокруг опустело и погрузилось в безмолвие» [6, с.26], что свидетельствует о масштабе личности правителя.

Образ Бабура в повести «Берег счастья» формируется через систему психологических деталей, мотив памяти, символику сна и философские диалоги. Он представлен как правитель, поэт и мыслитель, переживающий драму исторической миссии и личной тоски. Через слова «Берег счастья – на родине» автор утверждает главную идею произведения: истинное счастье и духовная полнота человека связаны с родной землёй, памятью и внутренней свободой.

Заключение. Таким образом, Хайридин Султонов занимает значимое место в современной узбекской литературе благодаря умению глубоко и многогранно раскрывать характеры персонажей. В его произведениях жизнь человека становится предметом внимательного художественного исследования: внутренние переживания, сомнения, духовные искания и тревоги героев последовательно раскрываются в ходе развития сюжета.

Так автор отходит от одностороннего героико-исторического изображения правителя Бобура и создаёт глубоко психологический портрет человека, переживающего внутренний конфликт между властью и духовной свободой, между исторической миссией и тоской по родине.

Творчество писателя отличается органичным сочетанием историзма и современного звучания, философской глубиной и выразительностью художественного языка. Обращение к историческим личностям, в частности к образу Бабура, позволяет автору осмыслить вечные вопросы памяти, духовной преемственности и нравственной ответственности личности перед временем.

Список литературы:

1. Есин А. Е. Принципы и приемы анализа литературного произведения. — М.: Флинта, 2010. — 248 с.
2. Хализев В. Е. Теория литературы. — 4-е изд., испр. и доп. — М.: Высшая школа, 2004. — 405 с.
3. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. — М.: Аспект Пресс, 1996. — 334 с.
4. Бахтин М. М. Эпос и роман. — СПб.: Азбука, 2000. — 304 с.
5. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. — М.: Искусство, 1970. — 384 с.
6. Султон Х. Берег счастья (Saodat Sohili). <https://ziyouz.uz/ozbek-nasri/xayriddin-sultonov/xayriddin-sultonov-saodat-sohili-qissa/>
7. Облокулова С.У., Усарова Л.И. Хайридин Султоновнинг «Саодат сохили» киссаси тахлили. / XXI-асрнинг илми-амалий тадқиқотлари. — С. 1-7. <file:///C:/Users/Kutubxona40/Downloads/Obloqulova+Sevinch+Uchqun+qizi.pdf>
8. Normatov, U. Xayriddin Sulton asarlarida hayot hodisalarining aks ettirilishi “: O‘zbek adabiyoti va san’ati, 2023.

9. Adilova F. "Xayriddin Sulton qissalarida milliy ruh va obrazlar poetikasi ". O'zbekiston: Til va madaniyat, 2023.
10. Ulug'ov A.O "Xayriddin Sulton qissalarida badiiy tasvir va syujet " Adabiyotshunoslik tadqiqotlari , 2023.
11. Madiyarovna E. G. et al. The Role of Folklore in the Development of Russian Literature (On the Example of the Stories of A. Platonov and S. Aflatuni) //Turkish Online Journal of Qualitative Inquiry. – 2021. – T. 12. – №. 7.
12. Ergashevna K. S. et al. Meaningful vectors of Uzbek story at the turn of XX-XXI centuries //Opción: Revista de Ciencias Humanas y Sociales. – 2020. – №. 27. – C. 48.

